

Цинберг Сергей Лазаревич

Исаак Беер Левинзон

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Лазаревич Ц.**
Исаак Беер Левинзон / Цинберг Сергей Лазаревич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
80 с.

ISBN 978-5-521-29600-2

ISBN 978-5-521-29600-2

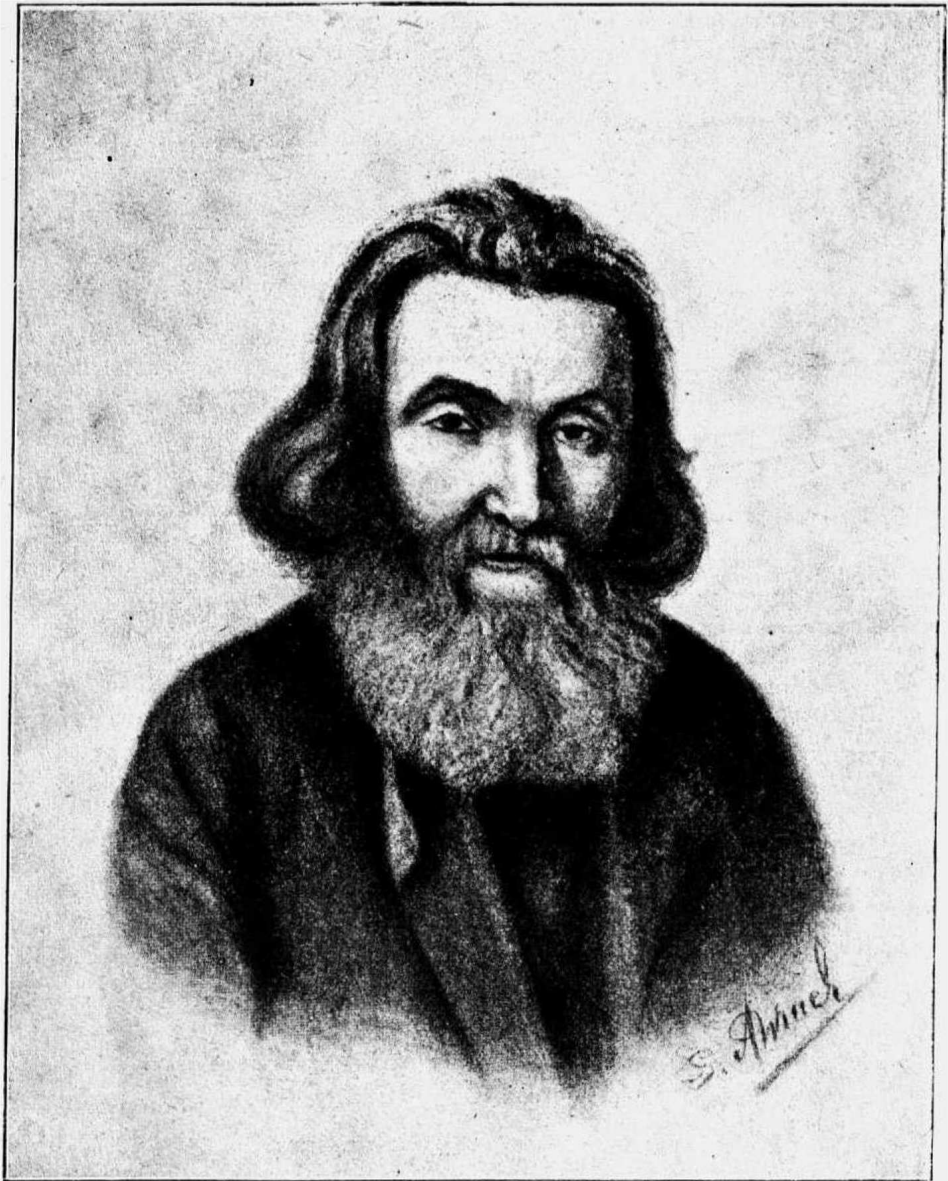
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Baard og Sebastian

Мы посвящаемъ 3-й выпускъ нашего изданія памяти «великаго страдальца».

«Лучшей иллюстраціей къ проповѣди пророка, —говорить Цунцъ,—служилъ его собственный образъ жизни», и мы, повторяя эти слова, можемъ сказать, что лучшей иллюстраціей произведеній И. Б. Левинзона служитъ его личная жизнь—цѣпь великихъ, духовныхъ, нравственныхъ и физическихъ страданій.

Вѣковая скорбь еврейскаго народа нашла живой откликъ въ его чуткой душѣ, но, болѣя за свой народъ, Левинзонъ не утратилъ надежды на будущее, глубоко вѣруя, что для его братьевъ наступятъ лучшіе дни.

Безропотно перенося оскорбленія и презрѣніе со стороны невѣжественныхъ единовѣрцевъ, онъ искренне прощалъ обидчиковъ, черпая утѣшеніе въ сознаніи, что просвѣщеніе откроетъ имъ глаза.

Обезсиленный тяжелымъ многолѣтнимъ недугомъ, извѣдавъ муки голода, онъ жизнерадостно смотрѣлъ на міръ, находя прекрасное и въ нашей «юдоли плача».

Физическія страданія, не озлобивъ его, закалили въ немъ духъ самоотверженности; нравственные, не охладивъ его сердца, согрѣли въ немъ братскія чувства; а духовныя, не убивъ въ немъ вѣры въ историческую судьбу Израиля, сдѣлали хилаго человѣка могучимъ борцомъ за народъ.

Да сохранится въ нашихъ сердцахъ образъ учителя и защитника, великаго въ своихъ страданіяхъ.

Ю. Гессенъ.

Не острымъ мечемъ
сражался я съ врагами
Господа, а словомъ. Имъ
передъ лицомъ народовъ
отстаивалъ я правду и
справедливость.

И. Б. Левинзонъ.

Въ тяжелыя минуты раздумья, при видѣ всеобщей безпринципности, когда холодный эгоизмъ, погоня за Мамоной возводится въ идеалъ, въ подвигъ—горькое чувство сомнѣнія закрадывается въ душу и колеблется вѣра въ собственный трудъ. Въ такія минуты отрадно воскресить въ своей памяти благородные образы тѣхъ безкорыстныхъ апостоловъ любви и самоотверженія, жизнь которыхъ представляетъ собою длинный путь служенія ближнему. Въ этихъ дорогихъ образахъ мы черпаемъ силы и надежды.

„Нужны намъ великія могилы,
Когда нѣтъ величія въ живыхъ“!

Мы, евреи, не лишены радостнаго сознанія, что наше прошлое оставило намъ въ наслѣдіе рядъ такихъ могилъ. Остановимся же предъ одной изъ нихъ.

I.

2-го октября 1788 г., въ маленькомъ, заброшенномъ городкѣ Волыни, Кременцѣ, у еврея Іегуды Левина родился сынъ Исаакъ Бееръ. Фамилія Левинъ была одной изъ знатнѣйшихъ въ городѣ.

Еще прадѣдъ Левинзона, Іекусіэль-Соломонъ, поселился въ Кременцѣ, гдѣ и умеръ, оставивъ послѣ себя

многочисленное семейство и большое состояніе. Отъ младшаго сына его, Исаака, зятя извѣстнаго въ свое время своею ученостью и богатствомъ Зельмана Когена, родился Іегуда, отецъ Левинзона.

Объ отцѣ своемъ Левинзонъ до конца дней своихъ хранилъ память съ особой любовью и нѣжностью. «Отецъ мой—разсказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ—былъ высоко уважаемъ какъ евреями, такъ и христіанами за свой честный и благородный характеръ... Онъ свободно владѣлъ польскимъ языкомъ, прекрасно и вполне правильно писалъ по древне-еврейски, что въ тогданнее время было большой рѣдкостью. Талмудъ онъ зналъ превосходно. Несмотря на то, что торговля дѣла отнимали у него много времени, онъ удѣлялъ ежедневно извѣстные часы своимъ любимымъ книгамъ. При строгомъ благочестіи, онъ былъ въ высшей степени толерантенъ и одинаково относился какъ къ хассидамъ, такъ къ миснагдамъ и маскиламъ. Онъ уважалъ ученыхъ людей, но еще больше чтить человѣка благороднаго характера и высокой нравственности». Отецъ имѣлъ безспорно огромное и весьма благотворное вліяніе на Левинзона и ему-то будущій писатель былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ исключительное для своего времени образованіе.

По общему еврейскому обычаю, Левинзона стали посылать въ хедеръ, когда ему было всего три года. Мальчикъ рано обнаружилъ необыкновенныя способности и девяти лѣтъ отъ роду уже написалъ какое-то сочиненіе каббалистическаго содержанія, вызвавшее похвалы со стороны нѣкоторыхъ раввиновъ и каббалистовъ *). Въ десять лѣтъ Левинзонъ обладалъ значительными познаніями въ Талмудѣ и чуть ли не наизусть зналъ всю Библію, ко-

*) Бетъ-Іегуда II ч. стр. 126, прим. 2.

тору проходилъ подъ руководствомъ своего отца, сумѣвшаго внушить ему страстную любовь къ «книгѣ книгъ»; онъ изучилъ также и русскій языкъ, что было въ тогдaшнее время необыкновеннымъ явленіемъ среди русскихъ евреевъ, и можно сказать, что Левинзонъ былъ едва ли не первымъ евреемъ, основательно знавшимъ отечественный языкъ. Отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ, страстью къ чтенію и также изумительной памятью, Левинзонъ вскорѣ обогатился большими познаніями въ области еврейской средневѣковой письменности. Вообще это усердіе и рѣдкая память сослужили ему впослѣдствіи добрую службу, когда при полномъ отсутствіи необходимыхъ книгъ ему приходилось дѣлать на память выдержки изъ давно прочитаннаго.

О юношескихъ годахъ Левинзона, проведенныхъ имъ въ Кременцѣ, намъ почти ничего не извѣстно, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ именно въ этотъ періодъ времени въ душѣ юноши сталъ зарождаться тотъ новый міръ идей и чувствъ, который сдѣлалъ его впослѣдствіи столь могучимъ печальникомъ своего народа и апостоломъ просвѣщенія. Изъ одного сохранившагося и относящагося къ этому періоду небольшого стихотворенія видно, что, когда настала «пора надеждъ и грусти цѣльной», Амуръ не пощадилъ будущаго ученаго и вонзилъ въ его сердце свою острую стрѣлу. «Если кто нанесетъ рану другому, тотъ возненавидитъ его и станетъ его врагомъ,— говоритъ юный поэтъ неизвѣстной красавицѣ,— ты же, моя красотка, ранила мое сердце, но могу ли я питать вражду къ тебѣ? О, если ты даже удвоишь раны мои, моя любовь къ тебѣ только усилится».

Когда Левинзону наступилъ 18-й годъ, родители, согласно обычаю того времени, женили его, и Левинзонъ переселился въ м. Радзивиловъ, откуда была родомъ его жена. Для добыванія средствъ къ жизни онъ давалъ уроки, а

также занимался переводами съ еврейскаго языка на русскій. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Левинзонъ не только не отвѣчалъ взаимностью на горячую любовь жены, но даже вскорѣ сталъ обнаруживать явную неприязнь къ ней; тогда, чтобы отомстить ему, жена напоила его ядомъ. Къ счастью, Левинзонъ былъ спасенъ. Вскорѣ онъ развелся съ женой, и больше уже не вступалъ въ бракъ. Живя въ Радзивиловѣ, Левинзонъ цѣлые дни и ночи проводилъ неуспынно надъ книгами, а послѣ неудачной семейной жизни его жажда знанія еще болѣе усилилась. Къ этому времени относятся первые его литературные опыты, главнымъ образомъ—стихи. Но эстетическій вкусъ и ясный критическій умъ подсказали ему, что онъ не обладаетъ поэтическимъ даромъ. Онъ смотрѣлъ на свои стихотворные опыты единственно какъ на стилистическія упражненія; онъ ихъ не печаталъ и потому большая часть изъ нихъ утрачена *). Лишь въ 1812 г. онъ дебютировалъ въ печати патріотическимъ стихотвореніемъ на изгнаніе французовъ изъ Россіи, каковое было представлено министру внутреннихъ дѣлъ радзивилковскимъ комендантомъ Гирсомъ, которому Левинзонъ былъ лично извѣстенъ въ качествѣ переводчика во время отечественной войны.

Вскорѣ Левинзонъ заболѣлъ отъ чрезмѣрныхъ занятій нервной лихорадкой, и поѣхалъ въ галиційскій городъ Броды, находящійся въ 8-ми верстахъ отъ Радзивилова, чтобы посоветоваться съ тамошними врачами.

Но не одно желаніе лечиться влекло его туда.

*) Послѣ смерти Левинзона неутомимый издатель его произведеній, г. Натанзонъ, выпустилъ сохранившіяся стихотворенія отдельной книжкой.

II.

Справедливыя слова Гете

Wer den Dichter will verstehen
Muss im Dichters Lande gehen,

относящіяся къ поэту, еще болѣе примѣнимы къ такому писателю, на произведеніяхъ котораго воспитался цѣлый рядъ поколѣній. Чтобы понять и оцѣнить значеніе, какое имѣлъ Левинзонъ для русскихъ евреевъ, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на ту эпоху, въ которую онъ дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе, что превосходя въ умственномъ отношеніи окружавшую его среду, Левинзонъ не только не удалился отъ толпы, но, создавая свои произведенія, имѣлъ въ виду ея заблужденія и недостатки, уровень ея умственно-нравственнаго развитія.

И друзья, и недруги наши удивляются тому, что еврейское племя, — этотъ народъ-Агасферъ, народъ-сфинксъ, народъ-мученикъ, народъ-торгашъ и предвозвѣстникъ идеи божества, — сохранило свою индивидуальность, несмотря на тяжелые удары судьбы, которымъ оно подвергалось въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ; но далеко не всѣ замѣчаютъ, какой дорогой цѣной куплена эта долговѣчность. Чтобы противостоять преслѣдованіямъ и гоненіямъ и избѣжать полнаго сліянія съ окружающими народами и исчезновенія среди нихъ, основатели Талмуда, «свѣточи Израиля», задались цѣлью изолировать свой народъ отъ общенія съ сосѣдями, неизгладимыми чертами запечатлѣть на немъ его національный обликъ, его духовный типъ. Раввины были неистощимы въ ритуальныхъ ограниченіяхъ и запретахъ. Стремясь охранить народъ отъ разложенія, они опутали каждый его шагъ всевозможными постановленіями; жизнь еврея превратилась въ рабское служеніе культу, въ слѣпое исполненіе обрядностей, заслонившихъ собою всѣ тѣ идеалы, которыми жилъ этотъ

древній народъ въ дни его политической самостоятельности.

Вѣкъ шелъ за вѣкомъ, гоненія на евреевъ со стороны европейскихъ народовъ не прекращались, и раввинизмъ, воздвигая «ограду къ оградѣ», все такъ же упорно продолжалъ свою работу ограниченія, пока созданная имъ религіозно-обрядовая организація еврейскаго народа не только заслонила собой ту цѣль, которая вызвала ее, но, сама ставъ цѣлью, потребовала для своего сохраненія рядъ новыхъ мѣръ, въ свою очередь получившихъ значеніе цѣли. Такимъ образомъ, раввинизмъ, начавъ съ Талмуда, свидѣтельствовавшего, что еврейскій народъ полонъ жизненныхъ соковъ и силъ, кончилъ «Шулханъ-Арухомъ», этимъ царствомъ застоя и плѣсени.

Но раввинизмъ никогда не заковалъ бы живой народъ въ цѣпи своихъ постановленій, если-бъ ему не удалось вселить въ него глубокую вѣру въ ближайшее прекрасное будущее, надежду на скорую награду за всѣ житейскія лишенія. Явилась вѣра въ Мессію, вѣра въ грядущее избавленіе отъ гнета, когда всѣ эти тяжелыя ограниченія и постановленія станутъ лишними, ненужными. Эта вѣра стала *idée-fixe* несчастнаго народа, и чѣмъ мрачнѣе становился надъ нимъ небосклонъ, чѣмъ нестерпимѣе были его муки, тѣмъ интенсивнѣе становилась эта вѣра отчаянія, которой нельзя было не отдаться всѣмъ сердцемъ изъ чувства самосохраненія, изъ жажды и стремленія къ жизни, присущихъ какъ всякой отдѣльной личности, такъ и каждой націи. Когда дѣйствительный міръ превратился для еврейскаго народа въ міръ пытокъ и мукъ, онъ создалъ себѣ другой, несуществующій, мистическій міръ, міръ фантазіи и грезъ, гдѣ могло осуществиться все то, чего такъ жаждала его измученная душа. Когда личность въ еврей была умерщвлена и живой человекъ превратился въ безвольное существо, рабски по-